

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1)
EDN [DJNWJL](https://www.edn.ru/DJNWJL)
УДК 316.346.2:329.05

М. Ю. Милованова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

«ЖЕНСКИЕ КРЫЛЬЯ» РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ: СОЦИАЛЬНАЯ АГЕНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАКАНУНЕ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ 2026 ГОДА

Аннотация. В статье исследуется социальная агентность «женских крыльев» российских политических партий накануне выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.). Актуальность обусловлена устойчивым гендерным дисбалансом: несмотря на демографическое преобладание женщин (53,5% населения), их представительство в Думе стабилизировалось на уровне 15–17%, тогда как общественный запрос на расширение женского участия снизился с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г. Целью исследования являлась разработка типологии «женских крыльев» по критерию характера агентности и оценка их потенциала как механизма рекрутирования женщин в политику. Объектом исследования стали партийно-аффилированные общественные объединения: Женское движение «Единой России», «Надежда России» (КПРФ), Социал-демократический союз женщин России (СРЗП), Лига женщин ЛДПР и Гендерная фракция партии «Яблоко». Методологическую основу составляет адаптированная методика кейс-стади, включающая анализ уставных документов, программных материалов, тематический анализ официальных сайтов, социальных сетей и экспертные полуструктурированные интервью (2021–2024). Предложена типология четырёх моделей: инструментальная (ЕР), производная (КПРФ, ЛДПР), адаптивная (СРЗП) и трансформационная (партия «Яблоко»). Установлено, что «женские крылья» выступают легитимным каналом рекрутирования женщин в политику в условиях отказа от гендерных квот, консервативного поворота и запроса на «феминные» управленческие качества. Выявлен парадокс обратной зависимости ресурса и трансформационного потенциала структуры. Сделан вывод о том, что гендерный дисбаланс в российской политике носит структурно-институциональный, а не индивидуально-поведенческий характер. Типология может быть использована для сравнительного анализа электоральных результатов и прогнозирования перспектив женского гражданского участия в современной российской политике.

Ключевые слова: женские объединения; социальная агентность; гендерная политика; политическое участие женщин; электоральный процесс; консервативный поворот; Государственная дума; политическое рекрутирование; партии

Для цитирования: Милованова М. Ю. «Женские крылья» российских партий: социальная агентность и политический потенциал накануне думских выборов 2026 года // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 9–26. DOI [10.19181/nko.2026.32.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1). EDN [DJNWJL](https://www.edn.ru/DJNWJL).

Актуальность проблемы. В год выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.) вопрос об участии женщин в публичной политике и социальной агентности «женских крыльев» политических партий приобретает особую актуальность. Демографическая структура населения России отличается выраженной гендерной диспропорцией: 53,5% женщин против 46,5% мужчин, абсолютная разница составляет 10,3 млн человек, что особенно заметно

в возрастной группе старше 35 лет¹ — «такой половой деформации не испытал, вероятно, ни один народ в истории» [1, с. 17]. Женщины более активно обеспечивают электоральную явку (на 5–7 п.п. выше) [2], чаще одобряют политическую систему (27%), что делает женский электорат ключевым для легитимации власти и конфигурирует политический курс в сторону их интересов [3, с. 12]. Однако гендерный дисбаланс нарастает по мере повышения уровня принятия решений, проявляясь на трёх уровнях: численного представительства, институциональных возможностей и социокультурной легитимации [4]. Исследование, охватившее 500 тыс. кандидатов на муниципальных и региональных выборах, свидетельствует, что уже на этапе выдвижения на выборы идут лишь 26% женщин, а до победы доходят 2% против 9% среди мужчин².

Как отмечает Г. Г. Силласте, женское объединение — это «социальная общность, члены которой объединены одинаковыми социальными интересами, целями, ценностями и нормами» [5, с. 35]. Женские объединения выступают важным элементом гражданского общества, формируя женскую социально-политическую повестку и обеспечивая включение женщин в поле публичной политики. Женская самоорганизация исторически выступает ответом на структурные ограничения: невозможность влиять на политику через официальные каналы направляла гендерные общности к созданию альтернативных структур. В настоящей статье под «женскими крыльями» политических партий понимаются обособленные структурные подразделения или партийно-аффилированные общественные объединения, действующие в рамках организационной инфраструктуры партии (либо при её непосредственной поддержке) и целенаправленно артикулирующие гендерную проблематику (вопросы женского представительства, равных прав и возможностей, социальных интересов женщин). То есть критерием отнесения объединения к категории «женского крыла» является не простое членство женщин в партии и не их присутствие в партийных списках, а наличие специальной институциональной рамки, в которой гендерные интересы выступают самостоятельным основанием для консолидации и деятельности. В соответствии с данным критерием объектами настоящего исследования стали: Женское движение «Единой России», «Надежда России» (КПРФ), Социал-демократический союз женщин России (СРЗП), Лига женщин ЛДПР и Гендерная фракция партии «Яблоко».

Теоретико-методологические основы и состояние изученности. Под социальной агентностью объединений гендерной направленности понимается способность женских организаций выступать самостоятельными акторами в сфере гендерной политики: артикулировать интересы женщин, мобилизовать социальные, институциональные и символические ресурсы, участвовать в выработке и трансляции политических решений, направленных на обеспечение равных прав и возможностей. Выражением социальной агентности является «новая сеть взаимоотношений в поиске баланса личных и общественных интересов, выстраивания равноправного взаимодействия лидеров со своими

¹ Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2022 года (пересчёт от итогов ВПН-2020) // Росстат: [официальный сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.01.2026).

² Непредставительная власть // Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Россия» (*признан иностранным агентом*). URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 12.06.2026).

группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан)» [6, с. 69], рассматриваемой в рамках коммуникативной модели Ю. Хабермаса [7]. Социальная агентность операционализируется через параметры институциональной автономии (правовой и организационный статус структуры); независимость повестки (степень самостоятельности в определении гендерной программы); лидерский капитал (статус, компетентность и символический ресурс руководства); горизонтальные сети взаимодействия (связи с НКО, международными организациями, иными партийными структурами); доступ к механизмам принятия решений с учётом интерсекционального подхода (наличие представителей в законодательных и исполнительных органах власти).

Эволюция женского движения в России представлена в работах А. М. Коллонтай [8], З. В. Гришиной [9], О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой [10], С. Г. Айвазовой [11], И. И. Юкиной [12], И. М. и Н. Л. Пушкарёвых [13]. В начале 1990-х гг. женские объединения переживают ренессанс, обусловленный активизацией в ответ на острые социальные проблемы: женскую безработицу, сексуальное и трудовое рабство, алкоголизм. В этот период развивается международное сотрудничество, прямая коммуникация между женскими организациями разных стран для обмена опытом и ресурсами [14]. Исследователи фиксируют в 1999–2005 гг. «глубокий спад» движения и лишь в 2005–2008 годах — «частичное восстановление» [13]. Принятый в 2012 году (и расширенный в 2022 году) закон об иностранных агентах³ повлёк ограничение или прекращение деятельности многих женских организаций, вследствие чего основным ресурсом репрезентации «женского взгляда» в политике становятся горизонтальные социальные связи [14; 15].

Для понимания субъектности «женских крыльев» партий значима типология политического сознания и поведения женщин Е. А. Кранзеевой: деятельный, активистский, массовизированный и абсентеистский типы [16]. Н. М. Великая констатирует: даже при высоком образовательном уровне и профессиональной интегрированности женщин их представительство в политике остаётся ограниченным, что указывает на роль культурных норм и институциональных фильтров [17]. Сравнительный анализ политической карьеры женщин в России и Германии выявил ключевые различия: в ФРГ действуют гендерные квоты в партиях и антидискриминационное законодательство, тогда как в России «процесс вхождения женщин в политику носит ограниченный и декларативный характер» [18, с. 319]. О. В. Крыштановская с соавторами описали феномен «стеклянного потолка» в политической карьере женщин-парламентариев, указывая на их концентрацию преимущественно в «социальных» сферах компетенции [19]. А. Е. Чирикова и Н. Ю. Лапина выделяют три модели продвижения женщин во власть: постепенного роста, наследования и «парашютирования» [20]. В. Г. Ушакова проанализировала репрезентацию гендерного вопроса в программах российских политических партий за столетие [21].

Накопленный корпус исследований не содержит систематической типологизации «женских крыльев» российских партий по критерию характера агентности. Настоящая публикация восполняет данный пробел. Открытым остаётся

³ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 07.01.2026).

вопрос: при каких институциональных условиях «женское крыло» из инструмента партийной мобилизации превращается в подлинного актора гендерной политики? Данный вопрос обостряется в контексте зафиксированного парадокса: общественный запрос на расширение женского представительства снизился с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г.⁴, тогда как само представительство стабилизировалось (15–17%) и даже несколько выросло на региональном и местном уровнях.

Материалы и методы. Объектом исследования стали «женские крылья» пяти партий — ЕР, КПрФ, СР, ЛДПР (парламентские) и «Яблоко» (непарламентская); аналитически привлекается опыт партии «Новые люди». Основной аналитической стратегией выступила адаптированная методика кейс-стади в рамках анализа публичной сферы [22, с. 19–23]. Целью исследования является разработка типологии «женских крыльев» российских партий по критерию характера агентности и оценка их потенциала как механизма рекрутирования женщин в политику накануне думских выборов 2026 г. Задачи: (1) дать институциональный обзор пяти общественных объединений гендерной направленности; (2) провести сравнительный кейс-анализ; (3) предложить типологию; (4) оценить перспективы в электоральном контексте 2026 г. и сопоставить результаты с данными аналогичных исследований.

В работе были применены такие методы, как анализ уставных документов и программных материалов пяти организаций; тематический анализ официальных сайтов и актуальной информации социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, включая закрытые сообщества); экспертные полуструктурированные интервью, проведённые автором в 2021–2024 гг., и включённое наблюдение. Эмпирическую базу составили 15 интервью с участницами СДСЖР (Москва, октябрь–декабрь 2021 г.), 5 интервью с участницами Гендерной фракции «Яблоко» (2023 г.), экспертные интервью с депутатом ГД от «Новых людей» и политическим консультантом РАСО (в рамках НИР «Национальная модель гендерного равноправия: экспертный подход», РГГУ, 2023–2024 гг.). Продолжительность интервью до 1,5 часа, с согласия информантов. А также включённое наблюдение на симпозиуме «Женское лицо нового миропорядка» (Лига женщин ЛДПР, 18 марта 2025 г.)⁵. Типологизация осуществлялась по четырём параметрам: институциональный статус; автономия в определении повестки; доступ к механизмам принятия решений; тип агентности (инструментальная, производная, адаптивная, трансформационная).

Гендерное представительство: общий контекст. Отказ от квот советской выборной системы незамедлительно сказался на гендерном балансе: доля женщин в Съезде народных депутатов СССР по итогам выборов 1989 года обрушилась с 32,8% до 15,7% [23, с. 483]. В избирательных федеральных циклах 2007–2026 гг. доля женщин колеблется в пределах 13–17%, что значительно ниже среднемировых тенденций (около 26% по данным на 2023 г.) и показателей позднего СССР (см. табл. 1).

⁴ Политика: женщинам тут не место? // ВЦИОМ. 02.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-zhenshchinam-tut-ne-mesto> (дата обращения: 06.12.2025).

⁵ Программа Симпозиума «Женское лицо нового миропорядка». URL: <https://greater-eurasia.ru/archives/39600> (дата обращения: 06.12.2025).

Таблица 1

Гендерный состав депутатов Государственной думы (2007–2021 гг.)

Выборы, год	Женщины, %	Мужчины, %	Коэффициент (Ж/М)
2007	16,9	83,1	0,203
2011	13,1	86,9	0,151
2016	15,8	84,2	0,188
2021	16,5	83,5	0,198

Источник: данные ЦИК РФ.

Осознание проблемы находило выражение на публичном уровне. В частности, Председатель ЦИК РФ А. А. Вешняков в 2006 году выступил с инициативой 30-процентного квотирования женского представительства в партийных списках, высказавшись в поддержку присутствия в Госдуме и Совете Федерации женщин, которые «интеллигентны, очень грамотны, более гуманны, а также лучше чувствуют социальные проблемы, и может быть, смогут более эффективно их решать»⁶. Инициатива, однако, не вышла за рамки медийных заявлений и не получила законодательного воплощения. На выборах VIII созыва (2021) по спискам победила «Единая Россия» (49,82%), за ней КПРФ (18,93%), ЛДПР (7,55%), «Справедливая Россия» (7,46%) и «Новые люди» (5,32%). В нижнюю палату парламента прошли 39 женщин по одномандатным округам и 40 — по партийным спискам. Доля женщин во фракции «Новые люди» составляла 20%, в партии «Единая Россия» — 19%, в КПРФ — 13%, в «Справедливой России» — 11,1%, во фракции ЛДПР женщины отсутствовали [18, с. 317]. Партийный канал остаётся наиболее действенным для политической карьеры: 58% представителей истеблишмента имеют партийный опыт в биографии. Членство в «Единой России» служит более эффективным механизмом вертикальной мобильности для женщин, чем для мужчин: среди женщин-чиновниц, назначенных в органы исполнительной власти, 92% состояли в «партии власти» до назначения, а 9 из 10 женщин-депутатов Федерального Собрания — её члены [19, с. 133, 144]. Из 20 зарегистрированных партий (на 1 июня 2026 г.) лишь две возглавляют женщины (Т. В. Колнауз, Партия прямой демократии и О. В. Петриенко, Партия Прогресса)⁷; доля женщин в высших руководящих органах партий (Президиумы, ЦК, Федеральные политсоветы и др.) — 29,5%, мужчин — 70,5%. Самыми «женскими» по руководству являются Справедливая Россия — 41%, из 17 членов Президиума — 7 женщин и 10 мужчин. В партии «Новые люди» гендерный баланс заявлен как часть партийной идеологии, руководящий орган включает 38% женщин и 62% мужчин. Динамика представленности женщин в руководящих органах политических партий в современной России положительная, рост с 2019 по 2024 год составил 7,5 п.п., с 22% до 29,5%. Среди руководителей региональных отделений политических партий соотношение 18% женщин против 82% мужчин⁸.

⁶ Вешняков выступает за введение допгарантий для женщин на выборах // РИА Новости. 11.02.2006. URL: <https://ria.ru/20060211/43483948.html> (дата обращения: 21.10.2025).

⁷ Политические партии // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 09.06.2026).

⁸ Женщины в политике: исследование // ЦИПКР. 2024. Архив автора.

Институциональный обзор «женских крыльев» политических партий. Анализ фиксирует принципиальные различия в организационных формах и идеологической направленности структур. «Женское крыло» не является унифицированным институтом — оно конфигурируется в соответствии с идеологическим профилем партии-патрона (табл. 2).

Таблица 2

Женские крылья системных политических партий России

Партия	Объединение	Год создания, статус	Лидер	Ключевые особенности
ЕР	Женское движение ЕР	2022, партийный проект	Н. Полуянова	Встроено в партийную структуру; без юридического лица
КПРФ	«Надежда России»	1990-е, общественное движение	Н. Останина	Формально независимое, фактически аффилированное
СР	СДСЖР	2012, юридическое лицо, общественное движение	О. Епифанова	Умеренная автономия; социал-демократическая повестка
ЛДПР	Лига женщин ЛДПР	2023, партийный проект	Е. Афанасьева	Патриотическая повестка; молодая структура
Яблоко	Гендерная фракция — внутрипартийное объединение	2006/2008, фракция	Г. Михалёва†	Феминистская повестка; максимальная автономия

Источник: составлено автором по открытым данным партий.

• Кейс 1. Женское движение «Единой России»: инструментальная агентность

Федеральный партийный проект утверждён решением Президиума Генерального совета партии № 409/22 от 7 октября 2022 г. Лидер: Наталия Полуянова, координатор проекта, депутат Государственной Думы. Структура объединяет более 100 тыс. участниц в 80+ регионах; работает по четырём направлениям: «Женская политика», «Женское предпринимательство», «Женское здоровье», «Социально-гуманитарное направление»⁹. Нормативная рамка: Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.¹⁰ По итогам ЕДГ-2023 от ЕР прошли более 200 женщин-кандидатов при поддержке 57 наставников. Отдельным направлением работы стала Женская политическая школа (ЖПШ), которую прошли свыше 5 тыс. участниц¹¹. Пример ЖПШ как ключевого проекта женского крыла «партии власти» представляет собой уникальный феномен для российской социологии. Начавшись с пилотных региональных школ, прошедших в Санкт-

⁹ Женское движение Единой России. URL: <https://proekty.er.ru/projects/zhenskoe-dvizhenie-edinoi-rossii> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁰ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения: 03.01.2026).

¹¹ Женское движение Единой России: презентация. URL: https://vnot2023.cznnew.ru/assets/files/2023-09-28/5/2.2_Полуянова_%20Женское_движение_Единой_России.pdf (дата обращения: 12.06.2026).

Петербурге, Московской области, Самаре, Иркутске и других российских крупных городах, он определяет агентность инструментального характера: движение встроено в партийную структуру, лишено юридической самостоятельности и возможности критически артикулировать проблемы, расходящиеся с официальной линией, масштабирование приходится на активную фазу электорального цикла. В открытых источниках декларируется реализация ЖППШ на федеральном уровне с региональными отделениями в 79 субъектах, включая Крым, Донецкую и Луганскую народные республики, а также Запорожскую и Херсонскую области.

«Женское движение ЕР — это прежде всего работающий механизм. Они закрывают колоссальный охват. Другой вопрос, чьи интересы они транслируют. Но в плане рекрутинга и мобилизации они делают то, что другим просто недоступно по ресурсам» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023 г.).

Гибридное образование Женского движения «Единой России» сочетает в себе черты формальной организации (структурированность, иерархия, партийная принадлежность) и социального движения (декларируемые цели социальных изменений, мобилизация участниц, их просвещение и обучение), выходя «за пределы политики» и становясь «настоящим механизмом объединения и развития актива, фактически платформой для старта и реализации собственных общественных инициатив»¹².

• **Кейс 2. «Надежда России» (КПРФ): производная агентность**

Союз женщин России «Надежда России» основан в 1990-е гг. как структура, аффилированная с КПРФ, официально зарегистрирован в 2002 г.¹³ Охват: 150 тыс. участниц, 82 региона, 702 местных отделения. Лидером является Нина Останина, депутат четырёх созывов, председатель Комитета ГД по вопросам семьи, женщин и детей, что обеспечивает прямой доступ к законодательной работе. Идеологический профиль: советская повестка равноправия с защитой социальных гарантий (труд, образование), критика либерального феминизма. Агентность носит производный характер: повестка ограничена идеологической рамкой КПРФ; инициативы преимущественно в социальной сфере (материнство, детство, трудовые права).

• **Кейс 3. Социал-демократический союз женщин России (Справедливая Россия – За правду): адаптивная агентность**

СДСЖР создан в 2011–2012 гг. как ответ на состав членской базы «Справедливой России» (женщины — 59%) и международную повестку (вступление в Социнтерн, август 2012 г.) [24]. Единственная из рассматриваемых структур, зарегистрированная как юридическое лицо (устав, имущество, счета, эмблема)¹⁴. В союз могут вступать как физические, так и юридические лица, включая иные женские объединения. Вступившие организации становятся частью СДСЖР, но сохраняют самостоятельность в формулировке задач и функ-

¹² Из выступления сопредседателя ЖППШ сенатора Д. Лантратовой на Третьем всероссийском форуме «Женщины, создающие будущее», 14 октября 2025 г. URL: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3566528> (дата обращения: 06.12.2025).

¹³ Всероссийский женский союз «Надежда России». URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/231996.html>; <https://вжс-надежда-россии.рф/>; <https://www.list-org.com/company/2705855> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁴ Социал-демократический союз женщин России. URL: <https://sdwomen.ru/> (дата обращения: 03.01.2026).

ций своей деятельности. На 2025 г. имеет 58 региональных отделений. Возглавляет объединение Ольга Епифанова, председатель Президиума движения, сенатор от исполнительной власти Республики Коми, принимавшая непосредственное участие в разработке Национальной стратегии на 2023–2030 гг. Агентность «женского крыла» адаптивная: при аффилированности с партией организация взаимодействовала с Женским Социнтерном, подписывала соглашения о сотрудничестве с иными женскими и социально-ориентированными организациями, располагает собственной нормативной базой и возможностью самостоятельно формулировать повестку в контексте социалистической риторики партии-патрона.

Опираясь на данные качественного исследования, подчеркнём, что женские формы объединений часто демонстрируют стратегии заботы и справедливости, поэтому, включаясь в публичную политику, женщины явно или латентно меняют её характер именно в данном направлении.

«У женщин цели меньше связаны с карьерным ростом, больше — с социальными направлениями, желанием что-то улучшить» (интервью № 7, женщина, г. Москва, общественно-политическая организация СДСЖР, 2021).

Информанты констатируют гендерную специфику подходов в политике:

«Не миссия завоевания, а обустройства, расширения, примирения», «архетипические материнские черты», «мягкая женская энергия» (интервью № 8, женщина, г. Воронеж, СДСЖР, 2021).

Выделяют гибкость, многовариантность действий политического поведения:

«У женщины-лидера больше вариантов и инструментов воздействия, полные карманы различных методик. У мужчин зачастую две методики — меч и ружье» (интервью № 10, женщина, г. Выборг, СДСЖР, 2021).

• Кейс 4. Лига женщин ЛДПР: производная агентность при системной оппозиции

Создана в 2023 г. как эволюция идеи В. Жириновского о Лиге женщин «В защиту демократии» от 2008 года. Лидер — Елена Афанасьева, глава Лиги, заместитель председателя комитета Совета Федерации по международным делам¹⁵. Институциональный статус: партийный проект (аналогично Женскому движению ЕР, но при оппозиционной партии). Статус партии-патрона: системная оппозиция (ЛДПР имеет фракцию в Государственной Думе) [3]. Идеологический профиль: патриотическое воспитание, поддержка многодетных семей, традиционные ценности, контакты с соотечественницами за рубежом. Располагает наименьшим периодом институционального развития; агентность преимущественно производная с ограниченным пространством для самостоятельной повестки.

• Кейс 5. Гендерная фракция партии «Яблоко» (ГФЯ): трансформационная агентность

Создана 18 мая 2006 г. в Екатеринбурге, статус партийной фракции с правом совещательного голоса закреплён в 2008 г., внутрипартийное объединение¹⁶. Отделения представлены в 23 регионах, 500+ участниц из 35 субъектов. Основатель фракции — Галина Михалёва, доктор политических наук, профессор РГГУ,

¹⁵ Женская лига ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/services/zhenskaya-liga-ldpr/> (дата обращения: 03.01.2026).

¹⁶ Партия «Яблоко». Гендерная фракция. URL: <https://www.Yabloko.ru/Faction/Womens/index.html> (дата обращения: 03.01.2026).

скончалась в феврале 2025 года, оставив значительный экспертный и символический капитал. Вопрос о преемнике остаётся открытым, однако кризиса это не создаёт, так как по сути, это сетевая организация с распределённым лидерством по направлениям. Разделение обязанностей — региональное, а не централизованное. Руководящий орган — Федеральный совет Фракции.

«Женщины могут захотеть стать участником женского сообщества, а там их могут заинтересовать, рассказать о том, что в обществе есть политика, что там есть и женщины... много они принимают важных решений для женщин и для детей. Рассказать, что это полезное и интересное занятие. Я думаю, что таким образом, через коммуникацию, СМИ, государственную поддержку, можно привлечь, мотивировать и заинтересовать женщин идти в политику» (интервью № 5, депутат муниципального уровня, ГФЯ, 2021).

Диапазон гендерной повестки ГФЯ существенно шире, чем у иных «крыльев»: законодательная защита гендерного равенства, социально-трудовые и репродуктивные права, противодействие домашнему насилию, гендерное просвещение («Гендерная школа»), внутрипартийные квоты. С 2008 года фракция является членом Международной сети либеральных женщин при Либеральном интернационале. С 2009 г. выпускает журнал-альманах «Знак равенства», формирующий дискурсивное пространство расширенной гендерной повестки (социально-трудовое положение женщин, противодействие насилию и сексизму и т.д.)¹⁷. ГФЯ выстраивает горизонтальные сети с НКО («Анна», «Сёстры», «Насилию.Нет»), правозащитными и международными организациями. Одна из тенденций — увеличение во фракции количества мужчин и участников более молодого возраста. Непарламентский статус партии-патрона обуславливает ресурсные ограничения: доступ к официальным механизмам принятия решений минимален. Однако ГФЯ компенсирует институциональный дефицит идеологической автономностью и интенсивностью горизонтальных связей, что конституирует трансформационный тип агентности: при минимальных ресурсах достигается максимальная содержательная самостоятельность.

Типология «женских крыльев» по параметрам социальной агентности. На основании кейс-анализа предложена типология «женских крыльев» российских партий (табл. 3).

Политические партии в России создают «женские крылья» как институциональный ответ на феномен «партофобии» [25, с. 129], устойчиво выражающейся в низком уровне поддержки партий. Согласно данным социологических опросов, доля респондентов, выбравших вариант ответа «никого не поддерживаю», составила в 2007 г. 34%, в 2011 — 35%, в 2016 — 32%, в 2020 — 46%, в 2024 — 47% [26, с. 87]. В этих условиях «женские крылья» выполняют компенсаторную функцию, вовлекая женщин в политику, минуя прямую ассоциацию с непопулярными партийными институтами.

Рассмотренные типы объединений объединяет принадлежность к партийной структуре как условие институциональной идентификации, ориентация на социальную повестку (материнство, семья, трудовые права), функция рекрутирования

¹⁷ Архив номеров журнала «Знак равенства». URL: https://www.yabloko.ru/content/arkhiv_nomerov_zhurnala_znak_ravenstva (дата обращения: 05.01.2023).

Таблица 3

Типология «женских крыльев» российских партий

Параметр	Женское движение ЕР	«Надежда России»	СДСЖР	Лига женщин ЛДПР	ГФЯ
Институциональная автономия (правовой и организационный статус)	Партийный проект, нет юридического лица	Общественное движение	Общественное движение (юридическое лицо)	Партийный проект	Партийная фракция
Независимость повестки (степень самостоятельности в определении гендерной программы)	Минимальная	Низкая	Средняя	Низкая	Высокая
Лидерский капитал (статус и ресурсы руководства)	Депутат ГД, координатор проекта	Депутат ГД, член четырёх комитетов, председатель комитета	Сенатор, бывший депутат ГД	Зампред комитета СФ	Д.полит.н., профессор; сетевое лидерство
Доступ к механизмам принятия решений	Прямой (проявляющаяся партия и госорганы)	Частичный	Ограниченный	Частичный	Минимальный
Охват	100+ тыс.	150 тыс.	6+ тыс.	Формирующаяся	500+
Тип агентности	Инструментальная	Производная	Адаптивная	Производная	Трансформационная
Электоральная активность	Высокая	Средняя	Средняя	Формирующаяся	Низкая

Источник: составлено автором.

женщин в политическую элиту, а также активизация деятельности в период избирательных кампаний. Различия между типами определяются степенью автономии — от минимальной (инструментальный тип) до высокой (трансформационный тип). При этом максимальный объём ресурсов не конвертируется автоматически в трансформационную субъектность.

Характер и диапазон гендерной повестки варьируется от «материнской» (ЛДПР, ЕР) до расширенной, включающей репродуктивные права, противодействие насилию и законодательные инициативы (ГФЯ, СДСЖР). Взаимодействие с государством выстраивается в спектре от встроенной государственно-партийной логики (ЕР) до независимой гражданской адвокации и оппозиции с ограниченным ресурсом влияния контрпубличности (ГФЯ). В избирательный период форматы работы также различаются: Женское движение ЕР реализует программу наставничества и Политшколу, СДСЖР и «Надежда России» продвигают кандидатов через партийные списки, а ГФЯ работает через общественное давление и экспертные коалиции.

Парадокс обратной зависимости ресурса и агентности. Предложенная типология позволяет зафиксировать системную закономерность, которую можно обозначить как парадокс обратной зависимости ресурса и агентности: чем выше организационный ресурс «женского крыла», измеряемый охватом участниц, наличием прямого доступа к механизмам принятия решений и степенью встроенности в партийную вертикаль, — тем ниже его автономия в определении гендерной повестки и, следовательно, тем слабее его трансформационный потенциал. Это соответствует логике, описанной Т. Е. Ломовой: женские организации, встроенные в государственно-партийную систему, приобретают операциональные возможности, но утрачивают способность к независимой артикуляции женских интересов [14]. В нашей типологии это прослеживается во всех пяти кейсах последовательно (см. табл. 3): Женское движение ЕР (100+ тыс. участниц, прямой доступ к власти) демонстрирует минимальную независимость повестки и инструментальный тип агентности; «Надежда России» и Лига женщин ЛДПР при среднем ресурсном уровне имеют низкую автономию повестки и производный тип; СДСЖР при меньшем охвате, но формальной самостоятельности (статус юридического лица) достигает средней независимости и адаптивного типа; ГФЯ при минимальном охвате (500+ участниц) и отсутствии прямого доступа к власти демонстрирует максимальную содержательную самостоятельность и трансформационный тип агентности. Парадоксальность закономерности состоит в том, что она противоречит интуитивному ожиданию, согласно которому ресурсная мощь организации должна расширять, а не сужать пространство её действия. В данном случае ресурс предоставляется партией-патроном и неотделим от её идеологической рамки, тогда как трансформационная агентность возникает именно там, где организация вынуждена компенсировать ресурсный дефицит за счёт идеологической автономии и горизонтальных сетей.

Этот парадокс находит подтверждение внутри самих «женских крыльев». Данные анонимного опроса участниц закрытого Telegram-сообщества Женского движения ЕР (n=64, из которых 48 — члены партии, 9 — сторонницы) обнажают разрыв между официальной риторикой и реальными взглядами: 52 участницы высказались за федеральный закон о профилактике домашнего насилия; 58 уч. поддержали возврат уголовного наказания за первые побои в семье; 61 уч. не считает, что запрет абортс ведёт к росту рождаемости; 46 уч. находят недостаточным представительство женщин в Госдуме; половина из принявших участие в опросе сталкивались с некорректными высказываниями по признаку пола¹⁸. Иными словами, при максимальной институциональной ресурсности Женского движения ЕР на уровне рядовых участниц сохраняется латентный запрос на повестку, которую организация в силу своей инструментальной природы артикулировать не может. По мнению историка Эллы Россман, подобные противоречия объясняются тем, что насаждаемая властью идеология «традиционных ценностей» представляет собой эклектичное сочетание советских установок и взглядов ультраконсервативных движений, не отражающее реального многообразия общественного опыта, поэтому высказываются позиции, расходящиеся с официальной партийной риторикой¹⁹.

¹⁸ «Слишком много рукоприкладства». Участницы политшколы «Единой России» — о домашнем насилии, зарплатах и гендерном неравенстве // Настоящее Время (*признано иностранным агентом*): [видео-сюжет]. 11.07.2025. URL: <https://www.currenttime.tv> (дата обращения: 21.06.2026).

¹⁹ Там же.

Ограничение женской повестки во всех пяти кейсах исключительно социальными темами (материнство, семья, трудовые права) при публичном игнорировании «мужских доменов» (оборона, внешняя политика, экономика) иллюстрирует действие механизма «стеклянного потолка» [19]. Тем самым «женские крылья» воспроизводят, а не разрушают гендерное разделение труда в политике, что согласуется с выводами А. Е. Чириковой и Н. Ю. Лапиной [20]. Исходя из этого авторская позиция заключается в том, что гендерный дисбаланс в российской политике носит структурно-институциональный, а не индивидуально-поведенческий характер. СДСЖР доказывает, что даже при аффилированности с партией наличие формальной самостоятельности существенно расширяет пространство агентности. ГФЯ демонстрирует иную модель: трансформационная агентность достигается за счёт идеологической автономии и горизонтальных сетей при минимальных ресурсах. Данный вывод расходится с распространённым мнением о том, что электоральная эффективность определяется прежде всего организационным ресурсом, демонстрируя, что ресурс и субъектность не вполне тождественны. Российская специфика состоит в том, что автономная модель реализована лишь у непарламентской партии «Яблоко», что автоматически ограничивает её практическое влияние. Кросс-национальные сравнения подтверждают, что институциональные механизмы — например, гендерные квоты — способствуют высокой доле женщин в парламенте (Германия, 49,1% женщин в Бундестаге, 2021 г., система квот SPD) [18].

«Женские крылья» в электоральном цикле: опыт 2021 г. и перспективы 2026-го. В избирательной кампании 2021 г. Женское движение ЕР сформировало агитационный ресурс, эксплуатируя образ женщины как носительницы «мягкой силы» и «запроса на заботу». Этот образ стал особенно актуальным в постпандемный период.

«В 2021 году был очень осязаемый запрос на «заботу». После пандемии электорат хотел видеть политика, который понимает бытовые проблемы. Это идеально накладывалось на традиционные представления о женщине. Умелые технологи это использовали. Да, не всегда корректно, но эффективно» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023).

Закрепился образ женщины-депутата как «эксперта с чутьём к проблемам общества», одновременно многофункционального политика, не выходящего за рамки привычных представлений о женственности.

«В активной фазе кампании женские структуры партий работают по нескольким направлениям. Первое — это «производство близости»: встречи с избирателями, работа с наказами, очевидное доверие. Второе — агитационный охват: у женских клубов и объединений есть прямой выход на аудиторию, особенно средний возраст плюс. Третье — символическая функция: показать, что у партии «человеческое лицо». Но это работает только тогда, когда женщина-кандидат — не просто фасад» (эксперт № 1, политический консультант РАСО, 2023).

К выборам 2026 года контекст существенно изменился. Фактор СВО перераспределил фокус женской активности от правозащитной к патриотической волонтерской деятельности (по данным «Мосволонтера», 80% участников — женщины). «Консервативный поворот» сузил пространство для открытой феминистской

риторики, переместив публичную повестку в нарратив «традиционных ценностей». При этом рационализирован выбор для электорального успеха: политтехнолог Евгений Минченко на занятиях ЖПШ учил кандидаток не делать акцент на «традиционных ценностях», так как это «уменьшает запрос на женщин в политике»²⁰.

«После 2022 года тема гендерного равенства стала очень чувствительной. Любой феминистский нарратив воспринимается через призму: ты за или против. Это блокирует разговор о реальных проблемах: о рынке труда, о насилии, о карьерных барьерах. Женские крылья сейчас вынуждены работать через патриотическую рамку, другого выхода у них нет» (эксперт № 6, женщина, депутат ГД, партия «Новые люди»).

По данным ВЦИОМ (2025), более 85% опрошенных отзываются о женщинах в политике положительно²¹. Предстоящие выборы 2026 г. станут первыми с момента принятия Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг., что формирует дополнительный институциональный ресурс для «женских крыльев» партий. Итоги выборов 2021 г. (17,5% женщин в Думе) образуют планку сравнения. Ключевым объединяющим фактором для обоих полов является стремление к социальному воспроизводству через партнёрство, статус и справедливость [27], а следовательно, «на повестке дня концепция гражданства, в которой половые различия не имеют отношения к политической сфере» [28, с. 40].

Заключение. Партийно-аффилированные женские объединения («женские крылья») занимают устойчивое место в архитектуре российской публичной политики накануне выборов в Государственную думу IX созыва (сентябрь 2026 г.). Проведённый кейс-анализ пяти организаций позволяет сформулировать ответ на центральный исследовательский вопрос: при каких институциональных условиях «женское крыло» из инструмента партийной мобилизации превращается в подлинного актора гендерной политики? Разработанная типология четырёх моделей — инструментальной (Женское движение ЕР), производной (КПРФ, ЛДПР), адаптивной (СРЗП) и трансформационной (партия «Яблоко») — фиксирует ключевой парадокс: организационный ресурс структуры и её трансформационный потенциал находятся в обратной зависимости. Женское движение «Единой России» располагает максимальным охватом, однако минимальной автономией повестки. Гендерная фракция «Яблока», напротив, демонстрирует наивысшую содержательную самостоятельность при минимальных ресурсах. СДСЖР, как единственное юридическое лицо среди рассмотренных структур, доказывает, что даже при аффилированности с партией формальная самостоятельность существенно расширяет пространство агентности.

Теоретическая значимость исследования состоит в операционализации концепции социальной агентности применительно к партийным женским объединениям через четыре параметра: институциональный статус, автономию в определении повестки, доступ к механизмам принятия решений и тип агентности. Предложенная типология восполняет пробел в научной литературе: систематической классификации «женских крыльев» российских партий по критерию

²⁰ «Слишком много рукоприкладства». Участницы политшколы «Единой России» — о домашнем насилии, зарплатах и гендерном неравенстве // Настоящее Время (*признано иностранным агентом*): [видеоосужет]. 11.07.2025. URL: <https://www.currenttime.tv> (дата обращения: 21.06.2026).

²¹ Политика: женщинам тут не место? // ВЦИОМ. 02.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-zhenshchynam-tut-ne-mesto> (дата обращения: 06.12.2025).

характера агентности прежде не предпринималось. Авторская позиция о структурно-институциональной (а не индивидуально-поведенческой) природе гендерного дисбаланса в политике подтверждается материалами всех пяти кейсов и согласуется с данными кросс-национальных сравнительных исследований: там, где действуют гендерные квоты и антидискриминационное законодательство (опыт Германии), доля женщин в парламенте существенно выше. Установлено, что «женские крылья» выступают легитимным каналом рекрутирования женщин в политику в условиях отказа от гендерных квот, «консервативного поворота» и запроса электората на «феминные» управленческие качества. Зафиксированный парадокс снижения общественного запроса на расширение женского представительства (с 45% в 1998 г. до 26% в 2025 г.) при стабилизации самого представительства на уровне 15–17% свидетельствует о том, что гендерный баланс в политике определяется прежде всего институциональными фильтрами, а не динамикой общественного мнения.

Практическая значимость работы определяется несколькими направлениями применения результатов. Во-первых, типология может использоваться для сравнительного анализа электоральных результатов выборов 2026 года: динамика доли женщин-депутатов относительно планки 2021 г. (17,5%) станет индикатором реальной эффективности «женских крыльев» как канала рекрутирования. Во-вторых, предложенные параметры институциональной автономии могут применяться политическими партиями при проектировании или реформировании женских структур с целью повышения их реального представительского потенциала. В-третьих, типология релевантна для мониторинга исполнения Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы в части партийного измерения гендерного равенства.

Ограничения исследования связаны с выборочным характером эмпирической базы: ЛДПР представлена преимущественно данными включённого наблюдения, а анонимный опрос участниц закрытого Telegram-сообщества Женского движения ЕР (n=64) не позволяет экстраполировать результаты на всю членскую базу организации. За рамками анализа остались малые партии, региональная вариативность и динамика типов агентности в рамках одного электорального цикла.

Перспективы дальнейших исследований включают несколько направлений. Сопоставление электоральной статистики думских выборов 2026 года с данными настоящего исследования позволит верифицировать типологию на актуальном материале. Отдельного изучения требуют региональные отделения «женских крыльев» как пространство воспроизводства или преодоления гендерного дисбаланса на субфедеральном уровне. Сравнительный анализ партийных женских структур в постсоветских государствах позволит уточнить, является ли выявленный парадокс обратной зависимости ресурса и субъектности специфически российским феноменом или закономерностью авторитарных и гибридных политических режимов в целом.

Библиографический список

1. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики. М. : Ключ-С, 2006. 191 с. EDN [QOPDUV](#).
2. Кочкина Е. В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 47–60. EDN [JVКCAH](#).

3. Милованова М. Ю. Социальный потенциал гендерных общностей как реальный актив общественного развития России // Жизненный мир гендерных общностей: социальные трансформации и вызовы цифрового общества : сб. статей / Под общ. ред. М. Ю. Миловановой. М. : РГГУ, 2026. С. 10–13. EDN [NNUIRK](#).
4. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: измерение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 2. С. 70–81. EDN [YGTHCL](#).
5. Силласте Г. Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 28–46. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.3](#). EDN [QVXHMW](#).
6. Милованова М. Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79. DOI [10.21064/WinRS.2019.4.6](#). EDN [TMXVWM](#).
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с.
8. Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб. : Знание, 1909. 431 с.
9. Гришина З. В. Женские организации в России (1905 г. — февраль–март 1917 г.) : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гришина Зоя Владимировна. М. : МГУ, 1978. 25 с.
10. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России: вторая половина XIX — начало XX века. Иваново : Ивановский государственный университет, 2003. 255 с. EDN [QOSERZ](#).
11. Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4(85). С. 3–13. DOI [10.21064/WinRS.2017.4.1](#). EDN [ZVZKPD](#).
12. Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 680 с.
13. Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.2](#). EDN [JJJIVT](#).
14. Ломова Т. Е. Женские организации как сегмент гражданского общества современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14, № 2. С. 124–142. DOI [10.21638/spbu12.2021.202](#). EDN [TANEAY](#).
15. Силласте Г. Г. Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 318–331. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-318-331](#). EDN [QPWKDY](#).
16. Кранзеева Е. А. Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1-2. С. 258–266. DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-258-266](#). EDN [IXYFMQ](#).
17. Великая Н. М. Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 332–344. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-332-344](#). EDN [HYYZJL](#).
18. Милованова М. Ю., Золотых Е. А. Политическая карьера женщин в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 3-2. С. 311–323. DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-311-323](#). EDN [EJWFMS](#).
19. Бальбот Н. А., Крыштановская О. В. Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 4. С. 133–154. DOI [10.19181/vis.2024.15.4.6](#). EDN [TOBZTK](#).
20. Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю. Женщина на высших этапах российской региональной власти: базовые тенденции // Политекс. 2011. № 4. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2266> (дата обращения: 12.06.2026).
21. Ушакова В. Г. Гендерный вопрос в программах российских политических партий и гендерная политика в России (1917–2017) // Наследие. 2017. № 2(11). С. 79–89. EDN [YTNQTU](#).
22. Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии / О. Е. Вербилович, О. Ю. Малинова, А. В. Семенов [и др.]. М. : Вариант: ЦСПГИ, 2013. 356 с. EDN [SCVADP](#).

23. Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб. : Алетей, 2004. 992 с. EDN [OXCDCA](#).
24. Милованова М. Ю., Котлярова В. М. Женское лидерство в политике в оценках участниц современного общественно-политического движения (на примере Социал-демократического союза женщин России) // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности : материалы XV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (Пенза, 29 сент. — 02 окт. 2022). Том 1. Пенза: ИЭА РАН, 2022. С. 369–377. EDN [NKTXUD](#).
25. Великая Н. М., Милованова М. Ю. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 127–129. EDN [PCZGVP](#).
26. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#). EDN [ERLAQU](#).
27. Aunger R., Gallyamova A., Grigoriev D. Network psychometric-based identification and structural analysis of a set of evolved human motives // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 233. P. 112921. DOI [10.1016/j.paid.2024.112921](#). EDN [RWZUJA](#).
28. Милованова М. Ю. К вопросу о женском участии в публичной политике и «женской доле» в политике // Женщины в политическом пространстве России и зарубежных стран (Москва, 15 марта 2021). М. : Издательские решения, 2021. С. 35–40. EDN [WUETPQ](#).

Поступила: 13.06.2026. Доработана: 12.07.2026. Принята: 18.07.2026.

Сведения об авторе:

Милованова Мария Юрьевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политической социологии и социальных технологий,
Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
m_milovanova@mail.ru
Author ID РИНЦ: [383579](#); ORCID: [0000-0002-5453-5954](#)

M. Yu. Milovanova¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

“WOMEN’S WINGS” OF RUSSIAN PARTIES: SOCIAL AGENCY AND POLITICAL POTENTIAL ON THE EVE OF THE 2026 DUMA ELECTIONS

Abstract. The article examines the social agency of the “women’s wings” of Russian political parties on the eve of the elections to the State Duma of the IX convocation (September 2026). The relevance is due to a persistent gender imbalance: despite the demographic predominance of women (53.5% of the population), their representation in the Duma has stabilized at the level of 15–17%, while the public demand for increased female participation decreased from 45% in 1998 to 26% in 2025. The aim of the study was to develop a typology of “women’s wings” based on the nature of agency and to assess their potential as a mechanism for recruiting women into politics. The object of the study was party-affiliated public associations: the Women’s Movement of United Russia, Nadezhda Rossii (CPRF), the Social Democratic Union of Women of Russia (SRZP), the League of Women of the LDPR, and the Gender Faction of the Yabloko Party. The methodological basis is an adapted case study methodology, which includes the analysis of statutory documents, program materials, thematic analysis of official websites, social networks, and expert semi-structured interviews (2021–2024). A typology of four models is proposed: instrumental (United Russia), derivative (CPRF, LDPR), adaptive (SRZP), and transformative (Yabloko Party). It is established that “women’s wings” serve as a legitimate channel for recruiting women into politics in the context of the rejection of gender quotas, the conservative turn, and the demand for “feminine” managerial qualities. The paradox of the inverse relationship between resource and the transformative potential of the structure is revealed. It is concluded that

the gender imbalance in Russian politics is of a structural and institutional nature, rather than an individual or behavioral one. The typology can be used for comparative analysis of electoral results and forecasting the prospects for women's civic participation in contemporary Russian politics.

Keywords: women's associations; social agency; gender policy; women's political participation; electoral process; conservative turn; State Duma; political recruitment; parties

For citation: Milovanova M. Yu. "Women's wings" of Russian parties: social agency and political potential on the eve of the 2026 Duma elections. *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):9–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.1>

References

1. Antonov A. I., Borisov V. A. Russia's population dynamics in the 21st century and demographic policy priorities. Moscow: Klyuch-S; 2006. (In Russ.).
2. Kochkina E. V. Russian electorate: demographic gap as political resource of gender segmentation. *Woman in Russian Society*. 2006;(3):47–60. (In Russ.).
3. Milovanova M. Yu. Social potential of gender communities as a real asset for the social development of Russia. In: Milovanova M. Yu. [ed.] The lifeworld of gender communities: social transformations and challenges of the digital society: coll. of arts. Moscow: RSUH; 2026. P. 10–13. (In Russ.).
4. Ovcharova O. G. Gender asymmetry of politics: changes in the global configuration. *Human. Community. Management*. 2016;17(2):70–81. (In Russ.).
5. Sillaste G. G. Russian women's organizations as a form of social community and its social dynamics in the modes of globalization and the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*. 2021;(2):28–46. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.2.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.3).
6. Milovanova M. Yu. Socially oriented non-profit organizations through the prism of gender: sociological analysis. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):66–79. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.4.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.6).
7. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. St. Petersburg: Nauka; 2000. (In Russ.).
8. Kollontai A. M. *The social foundations of the women question*. St. Petersburg: Znanie; 1909. (In Russ.).
9. Grishina Z. V. *Women's organizations in Russia (1905 – February–March 1917)*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow: MSU; 1978. (In Russ.).
10. Khasbulatova O. A., Gafizova N. B. *Women's movement in Russia: The second half of the 19th – early 20th century*. Ivanovo: Ivanovo State University; 2003. (In Russ.).
11. Aivazova S. G. Gender discourse in the field of conservative policy. *Woman in Russian Society*. 2017;(4):3–13. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2017.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1).
12. Yukina I. I. *From lady-patronesses to zhenotdel activists: A history of the women's movement in Russia*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2024. (In Russ.).
13. Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Two centuries of women's movement in Russia and its current state. *Woman in Russian Society*. 2021;(2):17–27. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.2.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.2).
14. Lomova T. E. Women's organizations as a segment of civil society of modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2021;14(2):124–142. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2021.202](https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.202).
15. Sillaste G. G. Methodology and paradigm shift in the study of sociogender space and gender equality. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1-3):318–331. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-318-331](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-318-331).
16. Kranzeeva E. A. Changes in political consciousness and behavior of Russian women: challenges of digitalization. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2021;(1-1):258–266. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-258-266](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266).
17. Velikaya N. M. Women in the political field of modern Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2022;(1-3):332–344. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-332-344](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-332-344).
18. Milovanova M. Yu., Zolotych E. A. The political career of women in Russia and Germany: the experience of comparative analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2023;(3-2):311–323. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-311-323](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-3-311-323).
19. Balbot N. A., Kryshтанovskaya O. V. The Role of the "Third Sector" in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024;15(4):133–154. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2024.15.4.6](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.6).

20. Chirikova A. E., Lapina N. Yu. Women at the top levels of Russian regional power: basic trends. *Politex*. 2011;(4). (In Russ.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2266> (accessed: 12.06.2026).
21. Ushakova V. G. Gender problem in the programs of the Russian political parties and gender policy in Russia (1917–2017). *Nasledie*. 2017;2(11):79–89. (In Russ.).
22. Verbilovich O. E., Malinova O. Yu., Semenov A. V. [et al.] Public sphere: theory, methodology, case studies. Moscow: Variant: TsSPGI; 2013. (In Russ.).
23. Stepanova N. M., Kochkina E. V. [eds] Gender reconstruction of political systems. St. Petersburg: Aletya; 2004. (In Russ.).
24. Milovanova M. Yu., Kotlyarova V. M. Women's political leadership in the assessments of participants in a modern socio-political movement (The case of the Social Democratic Union of Women of Russia). In: Past, memory, narrative: the gender dimension of everyday life: proceedings of the 15th International scientific conference of RAIZHI and IEA RAS. Vol. 1. Penza: IEA RAS; 2022. P. 369–377. (In Russ.).
25. Velikaya N. M., Milovanova M. Yu. Women's public associations as social resource of political modernization in modern Russia. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2012;(4):127–129. (In Russ.).
26. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
27. Aunger R., Gallyamova A., Grigoriev D. Network psychometric-based identification and structural analysis of a set of evolved human motives. *Personality and Individual Differences*. 2024;223:112921. DOI [10.1016/j.paid.2024.112921](https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112921).
28. Milovanova M. Yu. On the issue of women's participation in public politics and the “women's share” in politics. In: Women in the political space of Russia and foreign countries: proceedings of the conference. Moscow: Izdatel'skie resheniya; 2021. P.35–40. (In Russ.).

Received: 13.06.2026. Corrected: 12.07.2026. Accepted: 18.07.2026.

Author information:

Marina Yu. Milovanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. m_milovanova@mail.ru
ORCID: [0000-0002-5453-5954](https://orcid.org/0000-0002-5453-5954)